

СПОР ПРАВДЫ И КРИВДЫ

Ю. А. Разинов

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 20 сентября 2011 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию концепта правды в отечественной культуре. Содержание этого концепта трактуется как «человеческое, слишком человеческое» измерение истины. В центре внимания – особенность национального правосознания, состоящая в том, что правдоискательство сочетается с боязнью суда, а сакрализация правды – с готовностью «обжиться с кривдой». Анализ фольклорной традиции приводит к выводу об онтическом преимуществе кривды в структуре жизненного мира.

Ключевые слова: правда, кривда, истина, ложь, справедливость, значение, спор.

Abstract: article devoted to an analysis of the concept of truth (pravda) in the Russian culture. This concept is interpreted as a «human, too human» dimension of truth. In the center of research is national sense of justice, which combines the search for truth with a fear of the court, and where the sanctification of the truth is combined with a willingness to live a lie. Analysis of the folkloric tradition leads to a conclusion about the ontical superiority of falsehood (krivda) in the world-living structure.

Key words: truth (right), falsehood, verity, lie, justice, meaning, debate.

В народной философии здравого смысла спор между Правдой и Кривдой играет существенную роль, ибо в нем отражены фундаментальные мировоззренческие установки, связанные с представлениями о праве и справедливости, об истине и лжи. Запечатленная в мифах многих народов мира тяжба Правды и Кривды носит характер жесткого силового противостояния, что отражает связь указанных представлений с образом силы. В древнерусском апокрифическом тексте «Голубиная книга» рисуется картина жестокой битвы: «Это не два зверя собиралися, / Не два лютые собегалися, / Это Кривда с Правдой соходилися, / Промежду собой бились-дрались, / Кривда Правду одолеть хочет» [1, с. 41–42].

В эпическом противоборстве, как известно, Правда побеждает Кривду, так же как добро в сказках побеждает зло. Выходит, что Правда сильнее, властнее, напористее, причем не только в метафизическом, но и в прямом, физическом смысле. Вот и герой «ново-русской сказки» Данила-богатырь из фильма А. Балабанова «Брат-2» в силовой манере внушает своему заокеанскому коллеге, что «сила в правде». А сила правды, разумеется, в ее прямоте. Этим утверждается, что прямой и упрямый стиль Правды оказывается более могучим, нежели уклончивая и лукавая манера Кривды. Эпическая Правда перепирает, переламывает и буквально гнет в дугу кривую линию Кривды.

Здесь мы подходим к «болевой» точке вопроса: силовое утверждение правды признает и косвенно утверждает силу противоположности. Чем властнее гегемония правды, тем значительнее альтернативная сила кривды. Ведь всякое *противо-стояние* может возникнуть только из *собственной устойчивости*. Но что способна противопоставить Кривда Правде и чем заканчивается их спор кроме мифологической победы второй? Для этого обратимся к существу спора и попытаемся понять некоторые его национальные особенности.

1. Мифология спора

Как персонажи славянской мифологии Правда и Кривда теряют след в дописьменной истории и представлены в основном в устной традиции. Их мифологический статус не совсем ясен, что не имеет решающего значения, ибо кто бы ни скрывался под именами «Правды» и «Кривды», речь идет о членах важнейшей символической оппозиции, свойственной любой мифологической системе. Обычно под этими именами выступают герои или демонические силы, символизирующие собой «первоначала» бытия в их взаимном отрицании. То обстоятельство, что героями русских сказок о Правде и Кривде чаще всего являются родные братья, говорит о том, что перед нами – один из вариантов близнечного мифа.

Предметом спора при ближайшем рассмотрении оказывается *порядок вещей*, который маркирован семантикой «земного» и «небесного» и который должен установиться в результате победы одной из сторон. По нашему убеждению, в этом споре запечатлен тот *мифологический поворот*, который был связан с генезисом аграрных культур и содержанием которого была борьба за власть между древними хтоническими божествами и солнечными богами новой эры. Исходом этой борьбы, как известно, стало низложение первых и воцарение вторых. Этот универсальный мифологический код подтверждается всемирной распечаткой соответствующих образов. Если взять для примера греческую мифологию, то симметричную пару Правде и Кривде в ней составляют Дика и Адика.

Дика, или Дикэ (Δίκη) – одна из ор, дочь Зевса и Фемиды (богини правосудия), унаследовавшая от матери ряд свойственных ей юридических функций. В греческой мифологии Дикэ – богиня правды, олицетворение справедливости, враг обмана. В ряде мифов она выступает советницей при дворе Зевса. Согласно Гесиоду, Дикэ наблюдает за жизнью людей и сообщает верховному божеству о творимой ими несправедливости. В трагедиях она предстает как персонаж возмездия. Изображаемая с дубиной, молотом, копьём или мечом, эта богиня олицетворяет функцию исполнения наказания. По этой причине Парменид называет ее «многочающей Правдой» [2, с. 295] или Δίκη πολύλοφος [3, р. 229]. Одно из ее прозвищ – Астрея (Звездная) говорит о том, что правда и справедливость имеют небесное происхождение. Заметим, перевод имени «Δίκη» словом «правда» верен, но лишь с точки зрения его древнего значения – закон, право. С учетом исторической тенденции к выходу термина «правда» за границы правовой компетенции, δίκη точнее было бы переводить как «справедливость».

Адика, или Адикия (Αδικία) – греческий аналог кривды и антипод правды и справедливости. Сведения о ней крайне скудны. Но, судя по тому, что Адика является инверсивным образом богини Правды, можно предположить, что спор между ними – креатура близнечного мифа. Образ Адикии практически стерт в мифологии. Упоминания о ней фрагментарны, а образ запечатлен преимущественно в артефактах. Среди археологических находок известна древняя амфора VI века до н.э., изображающая драку между Дикой и Адикой. Это изображение в точности соответствует описанию ларца в храме Геры, данное греческим путешественником Пафсанием. Роспись на амфоре показывает, как вооруженная молотом Дика избивает свою соперницу Адикю (см. рисунок). Характерные пятна на теле Адикии говорят том, что она «запятнана грязью». Это, в свою очередь, указывает на древнюю меру правосудия, заключающуюся в том, что провинившегося побивали камнями и вываливали в грязи. Такая мера наказания символизировала обращение виновного к попоранному *земному началу*.

Пафсаний, описывающий роспись ларца в храме Геры, воспроизводит этот сюжет следующим образом: «Далее женщина красивого вида наказывает другую, отталкивающего вида; одной рукой она ее душит, в другой у нее трость, которой она ее бьет; это Дика (Правда) так обращается с Адикией (Кривдой)» [4, V (A), 18:2].

Рисунок

сидиками (Карающими), а также внутренне связан с другими персонажами мифологии вроде возлюбленной Орфея Эвридики (буквально – «широкая справедливость»). Такая распечатка образа указывает на то, что в сознании греков Правда не только переспорила Кривду, но и укоренилась в структуре жизненного мира. Передача мифологической

Рисунок на амфоре вкупе с описанием Пафсания сполна объясняет происхождение ряда устойчивых выражений, в частности идиомы «незапятнанная честь» (совесть, репутация). Когда античные авторы говорят о «незапятнанной Дике» они, скорее всего, имеют в виду практику древнего правосудия, когда преступника вываливали в грязи. Такие идиомы, как «чистая правда» и «грязная ложь», также иницированы подобными практиками.

Стертость образа Адикии в греческой мифологии фактически означает факт ее безоговорочной капитуляции. Напротив, образ победившей Дики клонирован целым сонмом богинь, называемых Прак-

эстафеты римской богине Юстиции знаменовала наступление новой эры – эры римского права, утвердившего господство беспристрастного гражданского суда. Ревнительница воли Зевса древняя богиня Дикэ уступила свое историческое место богине с завязанными глазами, вершащей суд не только во имя богов, но и в интересах граждан. Отсутствие (или стертость) подобного спора в римской традиции свидетельствует об окончательном поражении кривды, утрате ею мифологической санкции и установлении гегемонии правды в качестве *беспорного*.

И тем ни менее речь идет о споре.

При всей схожести мифологической конструкции славянский спор между Правдой и Кривдой получает иную развязку. Несмотря на то, что Правда Кривду побеждает, эта победа приобретает специфический акцент пирровой победы. Итог этого спора в «Голубиной книге» обозначен так: «Правда Кривду переспорила. / Правда пошла на небеса / К самому Христу, Царю Небесному; / А Кривда пошла у нас вся по всей земле, / По всей земле по свет-русской, / По всему народу христианскому» [1, с. 42].

Такой финал интересен тем, что в нем непосредственно выражено народное правосознание, те его специфические черты, которые уже второе тысячелетие с фатальной неизбежностью воспроизводятся в русской культуре. Торжество правды здесь носит характер незавершенного проекта или отсроченного свидания. Хранимая «у Христа за пазухой» и недостижимая в пределах земной жизни, «святая правда» представляет собой нечто вроде неприкасаемого запаса для будущих поколений. Она берется в расчет, но не участвует в реальном процессе жизни. Она присутствует в ней способом перманентного отсутствия. Идея отложенного правосудия, осуществимого не «здесь и сейчас», а «там и потом», сформировала в русском человеке особый стиль жизни, сочетающий в себе созерцательную отстраненность, фатализм и вместе с тем готовность действовать, полагаясь на авось. При этом правдоискательство как неосуществимый «национальный проект», как правило, завершается более «приземленными» результатами. Этот мотив поиска правды на фоне готовности обживаться с кривдой является общим знаменателем множества русских пословиц и поговорок. Представленный ниже диалог Правды и Кривды – это попытка обозреть содержание спора, идущего из глубины народного сознания. В целях аутентичной репрезентации этого сознания спор представлен в виде русских пословиц и поговорок без какой-либо стилистической правки со стороны автора, взявшего на себя лишь смелость выстроить их в качестве реплик определенных персонажей.

2. Диалог Правды и Кривды

Правда: Сила в правде! И Мамай правды не съел!

Кривда: Много слышится, да мало верится. Была правда, да закуржжавела.

Правда: Без правды жить – с бела света бежать. Без правды веку не изживешь.

Кривда: Правда не на миру стоит, а по миру ходит. Без хитрости не проживешь.

Правда: Рать стоит до мира, ложь до правды. Все минется, одна правда останется.

Кривда: Неправда светом началась, светом и кончится. Не будь лжи, не стало б и правды.

Правда: Всяку ложь к себе приложь. Всякая неправда грех!

Кривда: Всякому по Якову! А грех пополам!

Правда: Не всякому по Якову, а кому Бог даст! Бог тому даст, кто правдой живет. Кто правдой живет, тот добро наживет.

Кривда: Слыхивали мы вести про шесты да насести! Правдою не обуться. Правдою не оденешься. Елозам житье, а правде вытье!

Правда: И в бедах люди живут, а в неправде пропадают.

Кривда: Правда в лаптях, а кривда хоть и в кривых, да в сапогах.

Правда: Заработанный ломоть лучше краденого каравая. Этого полой не прикроешь!

Кривда: Что взято, то и свято! Сытый голодному не товарищ.

Правда: Трудовая копейка до веку живет. Кто не работает, тот не ест!

Кривда: Не корми меня тем, чего я не ем! Что полукавишь, то и поживешь.

Правда: Хоть в латаном, да не в хватанном.

Кривда: Какова игра, таков и выигрыш.

Правда: Деньги смогут много, а правда всё. Ложь не живуща. Вранью короткий век!

Кривда: Уж сорок лет, как правды нет. Свет спокон веку неправдой стоит. Будет в поле рожь, будет и в людях ложь.

Правда: Душой кривить – черту служить! Бог на правду призрит!

Кривда: Бог правду видит, да нескоро скажет. На Бога надейся, а сам не плошай.

Правда: Без правды не житье, а вытье. Без правды не живут люди, а только маются.

Кривда: Правда у Бога, а кривда на земле. Не плачь по правде, обживайся с кривдой! Слезами горю не поможешь.

Правда: В правде Бог помогает, в неправде карает!

Кривда: Правда, что цепная собака: на кого спустят, в того и вцепится. У кого руки подлиннее, тот и правее.

Правда: Вся неправда от лукавого. Делай не ложью – всё выйдет по божью.

Кривда: Правда в дело не годится, а в кивот поставить да молиться.

Правда: Дело делай, а правды не забывай! Неправдой жить – Бога прогневить.

Кривда: Правдой жить – от людей отбыть! Хороша святая правда – да в люди не годится.

Правда: Врать, так с людьми не знаться. Доброе дело – правду говорить смело.

Кривда: С нагольной правдой в люди не кажись. Правда тошнее пере-
чосу. Прямикое слово, что рогатина. Говорить правду – терять дружбу.
Против шерсти не гладят.

Правда: Всяк правду знает, да не всяк правду бает.

Кривда: И то бывает, что овца волка съедает.

Правда: Дай Бог сказать, не солгать!

Кривда: Что на уме, то и на языке. За правдивую погудку смычком по
рылу бьют.

Правда: Это с ветру сказано. Быль не сказка: из нее слова не выки-
нешь.

Кривда: Всякая прибаска хороша с прикраской. Быль за сказкой не
угоняется.

Правда: Ври, да знай меру! Смотри, язык проглотишь!

Кривда: Врать не устать! Кто слушает, тот и скушает! Со врак пошлин
не берут. Красно поле рожью, а речь ложью. Сладкая ложь лучше горь-
кой правды.

Правда: Крутя-вертя свет пройдешь, да назад не воротишься.

Кривда: На правде далеко не уедешь: либо затянешься, либо надо-
рвешься.

Правда: По кривой дороге вперед не видать. Правда прямо идет, с нею
не разминешься.

Кривда: Прямо только сорока летает. Гумна – не столбовая дорога.
Прямым путем по кривой не ездят.

Правда: Какова резва ни будь ложь, а от правды не уйдет.

Кривда: На кривых оглоблях плута не объедешь. Умная ложь лучше
глупой правды.

Правда: Правда – свет разума! Как ни хитри, а правды не перехит-
ришь. Правды не переспоришь!

Кривда: У всякого Павла своя правда.

Правда: Против ясности спорить – только вздорить. Простота человека
к Богу приводит. В простых сердцах Бог почивает.

Кривда: Где просто, там ангелов со сто; где хитро, там ни одного. Про-
стота хуже воровства! С простоты люди пропадают.

Правда: На иную хитрость станет и простоты.

Кривда: Среди поста и матушка проста.

Правда: Не в том куту сидишь, не те песни поешь. Кто правды ищет,
того Бог сыщет.

Кривда: На словах твоих хоть выпись. Чей хлеб ем, того и песенку пою.

Правда: Кто за правду горой, тот истый герой!

Кривда: Кулик невелик, а все-таки птица. Не душой худ, а просто
плут.

Правда: Черного кобеля не вымоешь добела.

Кривда: Рука руку моет – обе белы живут.

Правда: Как ни мудри, а концов не отрубишь. Как ни крой, швы на-
ружу выйдут.

Кривда: Худая увертка, а все лучше с нею.

3. Онтическое преимущество Кривды

При том, что ведущая партия в данном диалоге сознательно отдана Правде, Кривда представлена достаточно серьезным соперником. Оппонируя Правде, она ведет собственную партию, опровергая тезис о том, что «правды не переспоришь». Правда напориста, категорична, но вместе с тем как будто бы не очень уверена в своих силах. По этой причине она часто апеллирует к божественной инстанции. Однако ее стратегия присутствия на стороне власти (Бога) скорее мешает, нежели помогает ей быть убедительной в своих аргументах. В отличие от нее Кривда утверждает свое преимущество, не цепляясь за авторитет. Как нечто противостоящее, она стоит на собственных основаниях и утверждается собственной устойчивостью. В этом смысле Кривда – не ложь в обычном понимании этого слова. Она скорее некая *искривленная* правда, правда самой жизни, а не ее идеального плана. Суть ее позиции – ненавязчивая деструкция посылов «высшей» правды, так сказать, проверка их на прочность. Правда исходит из соображения о том, как *должно быть*, в то время как Кривда исходит из того, как *есть*, из того, что испытано жизнью. Таким образом, при всех явных предпочтениях, отдаваемых Правде, ее прямоте, бесхитростности и простоте, русские пословицы обнаруживают большую лояльность по отношению к некоторым формам обмана, хитрости и лукавства. Этому способствует и сама семантика слова «кривда», которое, будучи антонимом к слову «правда», все же не означает полного отрицания последней.

То, что кривда не является абсолютной противоположностью правде, объясняется тем, что эти слова не лежат в одной семантической плоскости, как, например, греческие *δίκη* и *αδικία* (правда и неправда). Слово «кривда» – не однокоренной антоним к слову «правда». Таким антонимом является «неправда». Но в слове «неправда», благодаря приставке «не», присутствует прямое отрицание, которого в слове «кривда» нет. Это очень важное обстоятельство легко упустить в связи с историческим замещением этого устаревшего слова терминами «ложь» и «неправда». Между тем неправда и кривда, будучи близкими феноменами, не тождественны по смыслу. Слово «кривда» изначально содержит в себе пространственную семантику *кривого, околичного* пути. Слово же «правда», будучи производным от слов «право», «правый», включено в другой семантический ряд – ряд, связанный с понятиями *закона и правосудия*. Семантика *прямого* в нем вторична. Таким образом, в изначальном смысле кривда не является прямым отрицанием правды (права, закона), а указывает скорее на его превратное или извращенное истолкование. Основанием для их противопоставления служит не отрицание, а перверсия и искажение. При этом термины «превратность», «извращение» и «искажение» следует понимать не в морально-правовом, а в онтологическом или даже топологическом смысле непрямого, околичного утверждения.

Как топологические термины, «прямое» и «кривое» указывают на путь достижения цели. Идея прямого пути связана с понятием *правильного, верного*, т.е. того, что *известно* и установлено в качестве нормы. Пафос

правды, следовательно, питается опытом *явленной истины*, путь к которой представляет собой столбовую дорогу с простыми правилами движения и очевидными указателями. Аргумент кривды, звучащий из русских пословиц, имеет в виду другое измерение истины – ее *сокрытость*, отсутствие проложенного маршрута (метода) и ясных целеуказаний. Когда говорится: «гумна – не столбовая дорога; прямо только сорока летает; прямым путем по кривой не ездят», то этим утверждается сложность, судьбоносная неясность и естественная затемненность жизненного пути, который представляет собой торение нехоженной дороги. Таким образом, если правду понимать в смысле *прямой* манифестации истины, то кривда будет означать *околичное, лукавое* (кривое) к ней приближение. Только в этом *топологическом* смысле кривда альтернативна правде.

Укоренение Кривды в структурах жизненного мира – весомый аргумент в споре. Целый ряд пословиц говорит о том, что отнюдь не правда является подлинной хозяйкой мира: «Неправда светом началась, светом и кончится»; «Правда не на миру стоит, а по миру ходит». Помимо того, что в них отражено христианское противопоставление мира «дольнего» и «горнего», в них еще присутствует характерный для русского правового сознания фатализм в отношении законности и справедливости суда. Сила правды, в полной мере являемая лишь финальным апокалиптическим судом, оказывается вне зоны повседневной мирской жизни, где кривда получает свое *онтическое* преимущество. Пословицы и поговорки, приведенные в сконструированном нами диалоге, показывают, что русскому народу было свойственно не только ясное осознание этого преимущества, но и готовность жить на его основании. С этим связано и то обостренно-трагическое и одновременно фаталистическое отношение к жизни, которое русский человек фактически понимает как *выживание*. Мотив выживания отчетливо звучит в целом ряде пословиц: «Не плачь по правде, обживайся с кривдой»; «Хороша правда, а в люди не годится»; «Правдой жить – от людей отбыть»; «Елозам житье, а правде вытье». Трагическое сознание раскола в структуре *бытия-в-миру*, артикулированное в народном творчестве, ставит под сомнение то убожество, которое М. Хайдеггер разглядел в феномене «людскости» (*Das Man*). В этом смысле хайдеггеровские «люди» – это «не те» люди, хотя и «люди как люди».

Неверие в силу закона и отсутствие «правовой культуры», о которых сплошь и рядом говорят юристы современной России, имеет культурно-исторические корни, часть из которых залегает в глубоком метафизическом пласте. Одним из источников русского фатализма и правового нигилизма является *сакрализация* истины и права, породившая специфически русский концепт *правды*.

4. Языковое размежевание концептов истины и правды

Первоначально слово «правда» имело нерасчлененный смысл, использовалось как синкретический термин для обозначения *обычая, закона, права, правила, нормы*. В древнерусском словоупотреблении оно фигу-

пировало преимущественно в этико-правовом плане, где «суд по правде» означал «суд по закону». О правовом истоке значения правды говорят сами названия древних законодательных сводов: «Русская правда», «Правда Ярослава», «Краткая правда», «Пространная правда». Пережиток этого первоначального значения сохранился и в современном юридическом лексиконе в виде понятия «оправдательного» приговора суда. Вместе с тем слово «правда», как и греческое *δίκη* (*δικαιοσύνη*), имеет значение *справедливости*, причем не только в судебном, но и в моральном отношении.

Проблема заключается в том, что термин «правда» в отечественной традиции приобрел еще и значение *истины*, породив тем самым двусмысленность, как в понятии правды, так и в самом понятии истины. Одним из свидетельств такой двусмысленности является выражение «истинная правда», являющееся чистой воды оксюмороном. Но судить по правде – совсем не то, что судить по истине, если по истине вообще можно судить. Об истине скорее следует *рас-суж-дать*. Так или иначе, но если в терминах *αλήθεια* и *δίκη* греческое мышление отделило *истину* от *справедливости*, то в слове «правда», обозначающем и то и другое, эпистемологический и морально-правовой смысл оказались смещенными. Такое смещение естественным образом породило проблему разграничения концептов истины и правды. Не вдаваясь в обстоятельства этой проблемы, которая представляет собой отдельную и большую тему [5], сделаем одно немаловажное замечание. Тематизация данного различия должна учитывать то историческое развитие концептов истины и правды, которое имело место в русской традиции. Существующее в науке разграничение по принципу истина – термин эпистемологии, а правда – термин морали и права верно. Но оно верно лишь с точки зрения эпистемологической трактовки истины, которой оно само придерживается.

Не вдаваясь в дискуссию, отметим очевидное: в отличие от европейских языков, где не произошло языкового расщепления концептов истины и правды, русский термин «правда» отслаивается от понятия истины. Вместе с тем он берет на себя избыточную смысловую нагрузку: в ряде случаев указывает на *истинное*, а в ряде случаев – на *справедливое, верное, правильное*. Обозначая одновременно *закон, истину и справедливость*, слово «правда» оказывается перегруженным значением, в силу чего истина понимается как справедливость, правда как истина, а справедливость истины как закон. Взаимное усиление значений в комплексе слова «правда» создает эффект сакрального.

Итак, языковое размежевание концептов истины и правды (при их постоянном смешении), создавая почву для самобытного решения вопроса о сущности истины, порождает и ту двусмысленность, которая до сих пор, несмотря на «западные» эпистемологические прививки, остается национальным почерком мышления. Когда И. С. Тургенев в притче «Истина и правда» говорит о том, что «истина не может доставить блаженства. <...> Вот правда может» [6, с. 186], он, во-первых, противопоставляет истину правде, а во-вторых, выражает тем самым самобытную национальную

идею. Правда, понятая как *блаженство*, в отличие от истины, понятой в качестве *знания–силы*, входит в комплекс представлений, составляющих так называемую «русскую идею». Притом, что правда, в отличие от истины, как пишет И. С. Тургенев, – «это человеческое, наше земное дело» [там же], само это дело имеет для него глубоко сакральный смысл.

Русская философская мысль, критически воспринявшая западный идеал *отвлеченной* и *объективной* (рациональной) истины, в значительной мере опиралась на традицию сакрального отношения к правде. Истине «отвлеченных начал» (Вл. Соловьев) она противопоставила идею «живого знания» (С. Франк), «истину откровения» (Н. Бердяев), «участного мышления» (М. Бахтин). Однако в действительности этот спор, с самого начала развивавшийся в контексте западной традиции, завязавшись на ее передовой, в какой-то момент оказался в глубоком тылу. Когда Н. Бердяев в середине 40-х гг. XX в., повторяя идею Вл. Соловьева, писал, что «истина не носит интеллектуального и исключительно познавательного характера, что ее нужно понимать целостно, она экзистенциальна» [7, с. 20], он не сказал ничего нового по отношению к современной ему западной философии. Он лишь запоздало выразил то, что уже к тому времени было высказано (причем гораздо более основательно) немецкими и французскими экзистенциалистами. Стало быть, дело не в том, что понятие правды содержит в себе экзистенциальный план значения, а понятие истины его не содержит, а в том, как понимать природу самой истины. В этом отношении предпринятый М. Хайдеггером поворот проблемы истины в начальное для нее *онтологическое* русло отнимает хлеб у критиков отвлеченного рационализма. Решимость осмыслить истину «как фундаментальный экзистенциал» [8, с. 297], как то, что «соукоренено в судьбе человеческого присутствия» [9, с. 136–137], лишает термин правды его монопольного права на особый экзистенциальный или антропологический план. Специфика этого термина, по нашему убеждению, состоит не в том, что он призван устранить эпистемологическую «несправедливость» путем противопоставления истинам отвлеченного характера некой живой, предельно конкретной истины *человеческого существования*. Такое представление само по себе создает ложную оппозицию «человечной» правды и «бесчеловечной» истины. Ведь с точки зрения экзистенциальной феноменологии понятию истины, фигурально выражаясь, «ничто человеческое не чуждо». Специфически русский контрапункт темы правды следует искать в другом: правда является термином *слишком человеческого* измерения истины.

5. «Слишком человеческая» метрика правды

Горизонт *слишком человеческого* неизменно присутствует во всех рассуждениях русской интеллигенции об истине и правде. Контрапункт правды особенно усиливается, когда речь заходит о «сырых» и «обездоленных». Правдоискательство и правдолюбие – типичные симптомы *бытия-обиженных*. Обиженный ищет правду как блаженство. Такой поиск – основная тема русских сказок, глубоко засевшая в умах русской

интеллигенции. Понятие о правде как о том, что приносит блаженство, прекрасно демонстрирует «откровение» от Андрея Белого из его письма Асе Тургеневой. Болезненно переживая разрыв с нею, Белый пишет: «В этом “сказании” мне твоего отношения ко мне была “истина”, но не “правда”. А “истина” есть ложь правды, лежащая правда, убитая правда. Ибо истина есть абстрактное положение; все, что полагает – “лагает”, т.е. лжет: лог – Lüge, лог – ложь. “Истина” – всегда правда в параличе. И вот “честной”, параличной “истиной” своего отношения ко мне Ты угодила мне в сердце» [10, с. 297–298].

Банальная история разрыва ложится на хорошо возделанную культурную почву, порождающую уже знакомый сценарий «оскорбленной правды». Несмотря на закавыченность слова «истина», смысл послания достаточно очевиден: истина грешна перед правдой, и суть этого греха – *хладнокровность* и *бесчеловечность*, легко опознаваемые в *слишком человеческой* метрике правды. При этом поиски «близкой к телу» истины, маркированной словом «правда», сильно напоминают поиски уборной, о чем жестоко, но точно выразился М. К. Мамардашвили: «Невозможно принимать всерьез ситуацию, когда человек ищет истину так, как ищут уборную, и наоборот, ищет на деле всего-навсего уборную, а ему кажется, что это истина или даже справедливость» [11, с. 113].

Комментируя приведенный выше фрагмент из письма Андрея Белого, Н. Д. Аругюнова высказывает точку зрения, весьма созвучную мотиву русской интеллигенции: «Правда, какова бы она ни была, связана с самым теплым в человеке – его сердцем, истина с самым холодным в нем – разумом» [12, с. 553]. В другом месте: «Человек qua человек хочет правды и суда по правде. Правда, как и он, “тепловкровна”. Истина же, утратившая связь с Божественным миром, холодна. Она остается холодной даже тогда, когда проникает в мир людей» [12, с. 556]. Андрей Белый в своем роковом романе с Асей Тургеневой, не желая встречи с истиной, искал правду, желая «суда по правде», но при этом с явным намерением оказывать давление на суд. Этот пример показывает, насколько прочно в сознании русского интеллигента сидит подозрительность в отношении отвлеченных истин и насколько привычным для него является апелляция к мифической правде.

Несмотря на то что метафизика истины и правды – тема, весьма далекая от того, что можно было бы назвать *национальным стилем*, она сплошь и рядом вылезает наружу, являясь то в виде самобытной «русской идеи», то в виде особой «исторической миссии русского народа», то в образе «двуглавой» (двухполосной) культурной идентичности, призванной объединить в себе Восток и Запад, а на деле не достигающей ни утонченности Востока, ни глубины Запада. Отложенное свидание с истиной-правдой, понятой вне ее историчности и событийности, вне сферы ее практического применения, позволяет рассуждать о национальной судьбе, ни на йоту не приближаясь к конструктивному решению проблем. Убежденность в том, что «правды нет на земле», является прямым следствием ее метафизической трактовки в качестве того, что находит-

ся по ту сторону жизненного мира, что принадлежит сфере *трансцендентного*. Такая поляризация правды и жизни указывает на фундаментальное расщепление в структуре бытия-в-мире. С тезисом «правды нет на земле» невозможно гражданское общество, как и повседневная защита прав в суде. Несмотря на приверженность к западной культуре и приобщенность к европейской модели правосудия, суд в России для рядового гражданина и по сей день – экстраординарное событие. Метафизическое разделение правды и жизни, результатом которого становится вечный поиск «священной правды», порождает обратно пропорциональный эффект смещения в сторону кривды на уровне практической жизни. Если правды нет на земле, то из этого с необходимостью следует, что «у каждого Павла своя правда». Поэтому неудивительно, что пропасть между правдой как *возвышенным объектом* русского сознания и реалиями жизни заполняет ее десакрализованный заместитель в мире – кривда.

Отраженная в зеркале русских пословиц, кривда представляет собой некий пониженный, фигурально выражаясь, «кривой» стандарт правды. Кривда – не ложь в обычном ее понимании. Ложь как сознательное искажение или сокрытие правды нуждается в ней как в том, что может и должно быть явлено и процедурно обосновано, как, например, должна быть обоснована правда в суде. Но в обществе, живущем под лозунгом «правды нет на земле», с этим существуют известные проблемы. Там, где нет очевидной правды, там нет и очевидной лжи. На уровне повседневной жизни высокий градус риторики о правде резко падает, ибо многое приходится делать, полагаясь «на авось». В словаре русской речи достаточно языковых примеров, так или иначе выражающих понижение степени правдивости. Такие заверения, как «чистая правда», «истинная правда», «подлинная правда», свидетельствуют о том, что планка повседневной правдивости существенно понижена, а потому необходимы языковые средства усиления, без которых правда – не правда, а кривда. Поговорки «с голой правдой в люди не кажись»; «правда тошнее перечесу»; «прямиковое слово, что рогатина» ставят под сомнение коммуникативные возможности правды. Идиомы «правда-матка», «голая правда», «сермяжная правда», «простоволосая правда» являют довольно обмирщенный образ правды. Примером инверсии ее сакрального образа и одновременно пощечины общественному вкусу могут служить слова А. Веселого: «Наша правда терпит плетку. Наша правда пахнет водкой». Память об изнаночной стороне правды хранят такие обороты русской речи, как «подноготная» и «подлинная правда». Исходное значение этих выражений отсылает не к существу истины, а к жестоким средневековым практикам дознания. Поэтому в философском разговоре о подлинности чего бы то ни было (бытия, смысла, чувства, жизни и т.п.) не стоит пренебрегать естественной памятью языка, говорящего о том, что *подлинная* правда – это правда, имеющая основание в длинной палке.

Приведенный выше спор Правды и Кривды в контексте русской истории показывает, что победившая Правда сдает позиции Кривде. Иными словами, при всей схожести мифологической основы в русском споре

присутствуют те черты, из которых в итоге складывается национальная судьба. Одна из этих черт – неизбежное *правдоискательство*, которое в отечественной культуре приобретает исключительное значение. Это значение продиктовано тем, что победа Правды над Кривдой в самой русской жизни носит характер незавершенного «национального проекта». Она приобретает черты пирровой победы и оттого празднуется «со слезами на глазах». Особенности национального спора вообще заставляют усомниться в онтическом преимуществе Правды над Кривдой. Универсальное противопоставление правды *земной* и правды *небесной* в русском сознании приводит к фатальному выводу о том, что «правды нет на земле». Несмотря на мифологическую победу Правды, именно Кривда правит миром. Она по-прежнему сильна и по-прежнему утверждает свою власть по формуле: «у сильного всегда бессильный виноват» (И. Крылов).

Фатальный вывод относительно невозможности правды на земле – свидетельство того, что образ правды в русском сознании глубоко расколот. Сакраментальный ответ «у кого сила, у того и правда», бросающий вызов правоте, лишенной мускулов и кулаков, содержит прозрачный намек на то, что *правде благих намерений* противостоит некая суровая *правда жизни*. Эта особая, не совсем правильная, но зато живучая правда вопреки сопротивлению со стороны языка постоянно примысливается к слову «кривда».

Парадокс русской истории состоит в том, что на словах всюду торжествует тезис о том, что «сила в правде», а на деле признается обратный ему порядок – «у кого сила, у того и правда». Эти прямо противоположные интенции сознания формируют специфический стиль жизни, характерный для общества с неразвитыми гражданскими институтами и отсутствующей гражданской позицией. Такое общество хочет «жить по правде» и ищет правды, но всякий раз «прогибается» под всевластие государственной машины или преступных кланов, образуя альтернативный им полюс слабости. Само же государство, как стоящий над обществом полюс силы, живет по принципу «у кого сила, у того и правда». Патерналистская модель, в которой сильное государство «защищает» слабое в гражданском отношении общество, формирует парадоксальную установку, находясь в которой человек ищет правды, но боится суда. Правдоискательство потому есть специфический феномен *бытия-обиженным*. Обида же в исходном значении слова – состояние обделенности, лишения, возникающее вследствие несправедливости неправого суда. Обиженное, т.е. обездоленное в правовом смысле, общество хронически нуждается в герое, утверждающем, что «сила в правде».

Глубокое переживание указанного парадокса русской жизни выплескивается в пословицы и поговорки, в которых Кривда, подспудно ведущая спор с Правдой, претендует на то, что место, занимаемое ею в структуре жизненного мира, – это место «по праву». В споре, которую Кривда ведет с «заоблачной» Правдой, мы всюду видим земное присутствие первой и ее победу за явным онтическим преимуществом.

Литература

1. Голубиная книга : русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / сост., вступ. ст., прим. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. – М. : Моск. рабочий, 1991.
2. *Парменид*. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Парменид. – М. : Наука, 1989.
3. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und deutsch / von H. Diels ; hrsg von W. Kranz. – 9 Aufl. I–III. – Berlin, 1960. – Bd I.
4. *Пафсаний*. Описание Эллады : в 2 т. / Пафсаний ; пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева ; под ред. Е. В. Никитюк. – М. : АСТ : Ладомир, 2002. – Т. 1, кн. I–VI.
5. *Лишаев С. А.* «Правда» и «истина» : (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) / С. А. Лишаев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2006. – № 1 (4). – С. 173–209.
6. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1982. – Т. 10.
7. *Бердяев Н. А.* Истина и откровение : пролегомены к критике Откровения / Н. А. Бердяев. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996.
8. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Ad Marginem, 1997.
9. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1989. – № 9. – С. 136–137.
10. *Белый А.* Воздушные пути : альманах / А. Белый. – Нью-Йорк, 1967. – Т. 5.
11. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили ; сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Прогресс : Культура, 1992.
12. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999.

Самарский государственный университет

Разинов Ю. А., кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии гуманитарных факультетов

E-mail: razinov.u.a@gmail.com

Тел.: (846) 337-99-54

Samara State University

Razinov U. A., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Post-doctoral Researcher of the Philosophy Humanities Faculties Department

E-mail: razinov.u.a@gmail.com

Tel.: (846) 337-99-54